

Политические институты, процессы, технологии

УДК-323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-4-6-19

ПОЧЕМУ У НАС НЕ ПОЛУЧАЕТСЯ СОХРАНЯТЬ ЯЗЫКОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ? (II) ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ И РЕВИТАЛИЗАЦИИ ПРИ РАЗРАБОТКЕ ПРОГРАММЫ СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКОВ

К. Ю. Замятин

Замятин Константин Юрьевич, старший научный сотрудник,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия,
Институт языкознания РАН, Москва, Россия.
E-mail: k.zamiatin@hse.ru (ORCID: 0000-0001-5374-911X. ResearcherID AAY-5217-2020).

Аннотация

Проблемы сохранения языков России изучаются в рамках научных исследований и решения ищутся на практике в общественно-политической жизни, но ни в той, ни в другой сфере мы пока не наблюдаем какого-либо заметного прогресса. В статье проанализированы попытки применения наработок прикладной науки в практической работе, в частности при разработке проекта Программы сохранения и возрождения языков России, чтобы понять возникающие при этом трудности и их причины. Вследствие неразвитости в России направления исследования языковой политики, сегодня научно-прикладной работой занимаются в основном лингвисты в рамках языковой ревитализации, которая оказывается неспособной предложить адекватные решения в стране с государствоцентричной политической культурой. На практике усилия по ревитализации и документации подменяют работу по сохранению языков. Таким образом, не только прикладная наука пока не выработала качественной экспертизы в общественно-политической сфере использования языков, но и языковая политика и языковая ревитализация в качестве практической деятельности оказываются неэффективными. Результаты и выводы этого исследования поднимают проблемы социологии науки и могут представлять интерес для научно-экспертного сообщества.

Ключевые слова: сохранение языков; языковое многообразие; языковая ревитализация; языковой активизм; языковая политика; прикладная наука; научные исследования; практическая деятельность.

Введение

В последние годы властные структуры активизировались в сфере языковой политики, и появилось «окно возможностей» для включения языковых проблем в политическую повестку. На первом заседании вновь созданного Совета при Президенте РФ по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языков народов РФ 5 ноября 2024 г. были анонсированы переработка Закона «О языках народов РФ» 1991 г. и разработка Основ государственной языковой политики. О новом содержании этих документов пока можно только предполагать, но уже сейчас актуально проанализировать существующие наработки по вопросам регулирования языковой сферы.

В рамках внедрения механизма стратегического планирования включенные проблемы в последнее десятилетие принято решать с помощью программно-целевого подхода в управлении. Среди прочего по итогам последнего заседания предыдущего Совета при Президенте РФ по русскому языку 5 ноября 2019 г. правительству было дано поручение «обеспечивать, начиная с 2020 г. финансовую, нормативно-правовую и организационную поддержку» Институту языкознания РАН для «разработки и реализации программы “Институт языкознания РАН по сохранению и возрождению языков коренных народов России”». Такую же поддержку правительству было поручено обеспечивать Институту русского языка им. В. В. Виноградова РАН с целью создания Национального словарного фонда¹.

© Замятин К. Ю., 2024

¹ Перечень поручений по итогам заседания Совета при Президенте Российской Федерации по русскому языку, которое прошло 5 ноября 2019 года [Электронный ресурс], 1 март 2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62918> (дата обращения: 12.03.2024).

В этом контексте снова актуально исследовать проблемы сохранения языкового многообразия в России. На вопрос «Как и зачем сохранять языки народов России?» автор с коллегами постарался ответить в научно-популярной монографии (Замятин и др., 2012). Вопрос «Почему не получается сохранять?» до сих пор открыт. Автор в своих исследованиях с разных сторон изучал проблемы сохранения языков и пришел к выводу, что препятствия существуют как на уровне практики, так и на уровне науки, как на теоретическом, так и на прикладном уровне. В частности, автор указывал на отсутствие на теоретическом уровне адекватной междисциплинарной основы исследований языка, власти и общества (Замятин, 2023) и вызванное им несоответствие научно-прикладных исследований практике (Замятин, 2024). Насколько сегодня в России научный арсенал адекватен на уровне практической деятельности в качестве ресурса знаний и навыков для обеспечения достижения цели сохранения языков?

В данной статье автор представляет результаты анализа дискурсов и наблюдений за практиками, в первую очередь включенного наблюдения за прикладной и практической деятельностью исследователей и/или активистов по наработке соответствующей экспертизы, чтобы понять состояние научной экспертизы в области сохранения языков и ее значение для практической деятельности. В 2021–2023 гг. автор принимал участие в работе по подготовке текста проекта Программы Института языкознания РАН по сохранению и возрождению языков России². Поскольку это текущая работа, автор в качестве иллюстрации своих рассуждений и выводов приведет только пару сюжетов, чтобы продемонстрировать системные проблемы, а про свои этнографические наблюдения напишет в отдельной статье.

Данные для исследования были собраны качественными методами в ходе прикладной и практической работы над проектом Программы Института языкознания РАН и в смежных проектах. До своего прихода в Институт языкознания РАН автор долго работал в западной академии, в том числе среди лингвистов и социолингвистов из разных стран, а до этого несколько лет практиковал в качестве юриста регионального министерства национальной политики. В России автор не только взаимодействовал с лингвистами по текущим рабочим задачам, но и участвовал в экспедициях, был на конференциях и других профессиональных мероприятиях. Это одновременно и взгляд со стороны на российские академические и политические реалии, и включенное наблюдение.

Такой интересный во многих смыслах опыт позволяет автору для триангуляции анализировать разные источники данных, в том числе в случае ограниченности данных сослаться к своей экспертной оценке для того, чтобы, изучая в сравнительной перспективе ситуацию с научными исследованиями, выявить похожие, то есть системные проблемы, препятствия и трудности, соотнести их с деятельностью практиков и показать, какие вызовы нерешенность теоретических проблем, в том числе нарушение дисциплинарных границ и отсутствие междисциплинарности, создает для прикладной науки и практической деятельности. В свою очередь, результаты исследования научных практик могут стать основой для преодоления границ академических дисциплин и синтеза исследований в междисциплинарных проектах.

В сборе и анализе данных, а также при интерпретации результатов анализа научной и практической деятельности по языковой политике и ревитализации возможен наукометрический подход, чтобы показать, например, сколько исследователей занимаются разными видами деятельности и почему. Эксперты, участвующие в языковой политике, или исследователи, занимающиеся активизмом, руководствуются сложными мотивами, включающими идеологические убеждения и научные интересы, преследуемые в заданной институциональной среде. Также результаты деятельности зависят от таких факторов, как наличие или отсутствие необходимых для работы знаний и навыков, возможное стремление их приобрести, соотношение интересов дела и личных научных интересов и других этических вопросов. В количественном исследовании сложно не редуцировать мотивацию людей, поэтому его автор оставит на будущее, а в данной статье ограничится только наиболее общим замечанием для расстановки акцентов, что для сохранения языков имеет значение не столько деятельность десятков ученых и сотен активистов, сколько ежедневная работа тысяч учителей и других практиков, а главное – функционирование институций.

По своей структуре статья содержит два подраздела. В первом подразделе автор представляет контекст научно-прикладной и практической работы по разработке программы относительно определения ее формата и содержания. Во втором подразделе анализируются дискурсы и практики в науч-

² В текущей версии проект «Федеральной Программы по сохранению и развитию языков России» от 9 сентября 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: https://iling-ran.ru/languages_of_russia/federal'naja_programma_soxraneniya_jazykov_2024.pdf (дата обращения: 12.11.2024 г.); работа над проектом продолжается.

но-прикладной и практической деятельности по сохранению языков по трем направлениям деятельности: документации, ревитализации и сохранения языков. Тут важно исследовать не только дискурсы исследователей и/или активистов о том, что они делают, но и практики, то есть их действия с целью целенаправленного изменения мира и себя, чтобы понять, что они на самом деле делают. Автор демонстрирует, как недостаточная экспертиза отражается на практике ревитализации в научно-практической деятельности исследователей как усилия «снизу».

Прикладная наука и практическая деятельность по разработке Программы

«Государственная» или «научная» программа?

Языковое планирование – это деятельность по реализации языковой политики. Согласно классической работе по языковой политике и планированию Р. Купера, из видов языкового планирования к практической работе лингвистов может относиться только планирование корпуса, то есть такие виды деятельности, как создание новых терминов, алфавитов или правил, а также составление списка языков, чем можно заниматься и под эгидой «лингвистической документации». Планированием статуса языков, в том числе их функций и доменов их использования в обществе, и их использования в сфере образования для распространения языковых знаний и навыков занимаются практики политики и образования, то есть политики, чиновники, директора школ, учителя и т. п. (Cooper, 1989).

В приведенной выше формулировке поручений президента РФ относительно поддержки разработки Программы Института языкознания РАН неясно, идет ли речь только о планировании корпуса или обо всех типах языкового планирования в отношении других языков народов России. Вместе с тем относительно поддержки Института русского языка РАН ясно, что речь идет о планировании корпуса русского языка. В тексте поручений нет однозначного указания на формат Программы Института языкознания РАН, но, если принимать во внимание аналогию с заданием Институту русского языка РАН, то это скорее «научная программа» по поводу планирования корпуса, при этом ориентированная на исследования языковой ревитализации.

Подобным образом формат Программы трактуется во взаимодействии разрабатывающего ее текст Института языкознания РАН и курирующего эту деятельность от правительства Министерства высшего образования и науки. Министерство ожидает в качестве результата работы только «методические рекомендации», то есть не признает себя «заказчиком» такого проекта Программы. Иными словами, в правительстве не появилось «интересанта» – министерства или ведомства, которое могло бы выступить в качестве «заказчика» Программы. Вместе с тем в стране с государственноцентричной политической культурой решать проблему «сохранения языков» можно только в рамках «государственной программы», реализуемой министерством или ведомством и разрабатываемой на основе исследований языковой политики.

Каким виделся формат Программы самим инициаторам? Выделение инициаторами «сохранения и возрождения языков России» в качестве отдельных аспектов в названии Программы отличает ее от традиционной, официально принятой для названия программ формулы «сохранения и развития языков». Программа разрабатывалась на основе Концепции Программы³, в которой эксплицитно не указывается смысл выделения двух аспектов «сохранения и возрождения языков России» в названии, но он, по сути, совпадает с перспективами двух исследовательских программ – программы исследования языковой политики и программы исследования языковой ревитализации, которые часто реализуются разными научными сообществами (Замятин, 2024).

До сих пор в России не разрабатывалось таких программ по «сохранению и возрождению», и подобное совмещение политики «сверху» и усилий «снизу» могло бы стать сильной стороной проекта Программы. Однако на практике в этом заключается и ее основная слабость. Такая постановка дуализма целей не имеет основы в действующем законодательстве. Если «сохранение языкового многообразия» – это официальная и потенциально реализуемая цель государственной национальной и языковой политики, то цели «возрождения языков» (используемого как синоним языковой ревитализации) в рамках текущей политики не ставится. В работе по согласованию текста Концепции государственной языковой политики РФ⁴ автор пытался продвинуть широкое определение языкового много-

³ Концепция Программы по сохранению и возрождению языков России одобрена советником Президента РФ В. И. Толстым 13 августа 2020 г. Не публиковалась.

⁴ Концепция государственной языковой политики Российской Федерации [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства РФ от 12.06.2024 № 1481. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409100008/> (дата обращения 20.06.2024).

образия, которое включило бы индивидуальное, коллективное и официальное двуязычие и многоязычие, но не удалось добиться включения даже такого положения в документ, который определяет многообразие функционирующих языков, диалектов и говоров народов РФ. Вопрос «возрождения языков» в повестке не стоит. Такую цель трудно обосновать прагматически и еще труднее операционализировать и реализовать. Ввиду этого в условиях ограниченности ресурсов, присущих любой политике, маловероятно, что цель ревитализации языков станет в обозримом будущем частью государственной политики. Маловероятно, что государство сегодня будет выделять средства, необходимые для возрождения «мертвых» и «умирающих» языков.

Не только цели, но и предлагаемые подходы Программы не соответствуют цели «сохранения языков». Идея в том, что предлагаемые подходы должны соответствовать типам языковых ситуаций «средних языков» или «малых языков» и в последнем случае зависеть от того, можно ли их считать согласно критериям «Атласа языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» ЮНЕСКО находящимися «под угрозой исчезновения», «исчезающими» или «на грани исчезновения». «Изменение социальных практик, повышение престижа языка, в первую очередь в бытовом общении», предлагается как подход для решения проблем «средних языков» и «малых языков», метод языковых гнезд для «исчезающих» «малых языков», а лингвистическая документация для «малых языков» «на грани исчезновения» (Кибрик, 2020).

Такая формулировка подходов предполагает в первую очередь именно языковую ревитализацию, а планирования статуса и в сфере образования тут в качестве задачи не ставится. На основе таких подходов к языковому планированию можно стремиться к цели «возрождения языков», но не «сохранения языков». Последнее может систематически осуществляться только через деятельность государственных органов и публичных институций. При этом фокус на планировании престижа также потенциально мог бы являться сильной стороной Программы.

Поскольку в России из социолингвистики до сих не выделилось направления исследований языковой политики, да и становление самой социолингвистики как науки сталкивается с трудностями (о месте социолингвистики среди других наук в российском контексте см. Алпатов, 2020; Евсеева, 2021), языковым планированием в прикладном аспекте продолжают заниматься даже не социолингвисты, которых мало, а лингвисты (Замятин, 2023, 2024). Последние успешно занимаются составлением списка языков в Институте языкознания РАН (Коряков и др., 2022), но не остальными типами планирования, которыми должны заниматься профилирующиеся в них практики и эксперты.

Итак, задача, поставленная перед Институтом русского языка РАН как научным учреждением, распространяется только на планирование корпуса русского языка. При этом документы стратегического планирования в отношении русского языка, в том числе государственные программы РФ, разрабатываются властными структурами⁵. Например, федеральные целевые программы «Русский язык» и государственная программа РФ «Поддержка и продвижение русского языка за рубежом» разрабатывались в Министерстве просвещения или МИДе. В таком контексте по аналогии, независимо от своего названия, Программа Института языкознания РАН, в случае ее принятия, будет иметь статус «научной программы», которая может обеспечивать планирование корпуса других языков, но не может охватить планирование статуса и планирование в сфере образования. В качестве темы научных исследований Программа могла бы быть направлена на исследование и этих типов языкового планирования. Однако проект Программы не содержит такой темы.

Научная экспертиза и содержание Программы

По нашей экспертной оценке, в России в настоящее время нет качественной научной экспертизы в исследованиях языковой политики, чтобы писать «государственную программу». При этом, исходя из названия Программы, можно допустить, что в ее рамках могло бы разрабатываться планирование престижа, но в России на сегодня не хватает также научной экспертизы языковой ревитализации, чтобы писать адекватную задаче «научную программу». Это при том, что недавно произошла некоторая институционализация исследований языковой ревитализации в форме научных подразделений и основных направлений их работы. С 2019 г. в Институте языкознания РАН существует Лаборатория исследования и сохранения малых языков, главной задачей которой является «документирование, исследование и сохранение малых и исчезающих языков России и мира».

⁵ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»: Федеральный закон от 28 июня 2014 № 172-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841 (дата обращения: 12 марта 2024).

В 2021 году было создано новое подразделение Института языкознания РАН – Научный центр по сохранению, возрождению и документации языков России (далее – Научный центр), в котором до недавнего времени работал и автор. Практическая задача Научного центра состоит в разработке упомянутого проекта Программы. Когда стало ясно, что готовится не «государственная программа» («федеральная программа»), то есть программа для реализации государственной политики, а «научная программа», то есть исследовательская программа, причем ориентированная на языковую ревитализацию, автор вышел из этой работы, так как, по той же экспертной оценке, даже в маловероятном случае утверждения такой программы, вследствие отсутствия междисциплинарной перспективы макроуровня у нее нет шансов сколько-нибудь заметно повлиять на сохранение языков в России.

Кристаллизация такого формата стала результатом как внешних, в том числе общеполитических причин, так и внутренних, академических причин, чему, с учетом зависимости науки от общества и государства, есть объяснения в рамках социологии науки (Григорьев, 2018). Проблемам социологии науки автор посвятит отдельную статью, а тут коротко представим только обобщенные результаты наблюдений за практиками в российской академии. По нашей оценке, работа над Программой стала скорее поводом для того, чтобы продвинуть в российской науке исследовательскую программу языковой ревитализации. Ввиду этого в научном смысле интересен не столько сам текст проекта Программы, составленный по нашему предложению на основе анализа лучших практик республиканских программ сохранения и развития языков, сколько концептуализация проблематики сохранения языков.

В дальнейшем проект Программы писали, тематику и подходы определяли в основном лингвисты, которые подходят к вопросу сохранения языков в основном с ракурса ревитализации, то есть как работы «снизу», при том, что сам подход к решению проблемы через разработку Программы является примером подхода «сверху». Поскольку становление направления исследований ревитализации в России происходит как заимствование из международной научной повестки, соответственно, и сама тематика была взята оттуда. При этом в названии Программы нет направления «документация», а в названии структурного подразделения Института языкознания РАН она выделяется. Как видно уже из названия Научного центра, целями и соответствующими подходами стали сохранение «средних языков», ревитализация «исчезающих» «малых языков» и документация «малых языков» «на грани исчезновения». Теоретически возможна трактовка, при которой это три последовательных этапа комплексного подхода: сперва языки документируются «в целях ревитализации», потом возрождаются и далее сохраняются.

Такая классификация трех видов, или направлений деятельности по тематике подразумевает, что языковая документация и ревитализация не являются собственно сохранением языков. Далее является, что задача документирования решается с целью ревитализации. Иными словами, документация в ее прикладном аспекте не является ревитализацией, хотя и могла бы при определенных условиях считаться предварительной работой, если подразумевать под этим сбор данных. Действительно, языковая ревитализация тесно связана с документацией, но, по свидетельству наиболее авторитетных в этой области ученых, ревитализация редко бывает основной целью документации; скорее, такой целью является само лингвистическое исследование (Austin & Grenoble, 2007). В следующем подразделе рассмотрим в соответствующем порядке состояние экспертизы в каждом из трех направлений деятельности.

Три практические задачи

Документация

Что касается лингвистической документации, то в целом лингвисты знают, как ей профессионально заниматься, однако, по нашей оценке, не в части заявленной подготовки к ревитализации⁶. Релевантной для ревитализации частью документации могло бы являться социолингвистическое исследование. Однако те части лингвистических исследований, которые заявляются как «социолингвистический обзор», не соответствуют критериям социолингвистического анализа, поскольку не основаны на методах социолингвистического исследования, о которых подробно написано в литературе, в том числе на русском языке (см. Беликов и Крысин, 2001; Вахтин и Головкин, 2004). Методологически обоснованные социолингвистические исследования социальных и гуманитарных феноменов, которые

⁶ Итоговые документы Научного центра по сохранению, возрождению и документации языков России [Электронный ресурс]. URL: https://iling-ran.ru/web/ru/departments/languages_of_russia (дата обращения: 12.03.2024).

лингвисты называют «экстралингвистическими факторами», должны проводить только профессиональные социолингвисты, этносоциологи и лингвистические антропологи, у которых есть критерии по выборке, стандартизированные анкеты и другой инструментарий. Впрочем, это уже будут не социолингвистические, а социологические интервью для описания социолингвистической ситуации в социолингвистическом исследовании либо для социологического описания языковой ситуации в рамках социологического исследования.

По нашим наблюдениям, отметим только, что прежде всего целям исследований не соответствуют анкеты. В них обычно нет вопросов, раскрывающих отношение к языкам, например, на каком месте язык стоит в структуре идентичности людей. Информации, собранной на основе дескриптивных вопросов, достаточно только для лингвистического описания, но нельзя считать это социолингвистическим описанием. Распространена ошибка, когда в качестве утверждений только цитируются слова исследуемых, которые зачастую только воспроизводят услышанные где-то языковые идеологии. Это значит, что у исследователей отсутствует рефлексия и видение базового различия между дискурсами и практиками, а используемый инструментарий не позволяет исследовать практики, без чего нельзя адекватно оценивать социолингвистическую ситуацию. Такое положение, на наш взгляд, является следствием отставания российской полевой лингвистики, свидетельством чему те ошибки, которые делают лингвисты в поле. Об этом подробнее в отдельной статье, а тут в качестве иллюстративного анекдотического свидетельства приведу только один типичный эпизод.

Приезжает лингвистическая экспедиция в небольшой поселок на краю земли. Для местного сообщества приезд чужих – это главная новость. Местные спрашивают: «Вы кто, откуда?». «Мы – лингвисты из Москвы». Вопросы местных заканчиваются, потому что для них это далеко и непонятно, но их наблюдения продолжаются. Участники экспедиции идут в магазин и покупают воду, два литра за 330 руб. (на тот момент около 5 евро). Это местным понятно, потому что у них есть для такого поведения фрейм: на край земли ехать очень дорого, и доезжающие чужаки – это обычно «богатые экстремальные туристы», ищущие экзотические места. Естественно, такой фрейм не облегчает работу экспедиции, которая, впрочем, рассматривает излишней для документации и поэтому даже не ставит цели нахождения с «информантами» «общего фактора» (в терминологии классика антропологии Э. Эванса-Причарда, см. Evans-Pritchard, 1940). На этом фоне, наш разговор с пьяным интерлокатором из местных, идеальным источником, которого мы не спаивали, начинается с его слов: «а, Вы с этими [...]; смотрите, чтобы и Вас не съели медведи».

Сюжет показателен во многих отношениях. Западные ученые в своих исследованиях пришли к выводу, что ключевая проблема тут в том, что описательная (полевая) лингвистика дистанцируется от говорящих, а в худшем случае устанавливает с ними отношения эксплуатации, когда рассматривает их как объекты и средства для достижения целей. Например, имеет место практика, которая в западной науке называется «парашютными» или «вертолетными исследованиями». Зарубежные (или столичные) исследователи проводят полевые исследования в странах третьего мира (или в регионах), а завершают исследования дома без какого-либо дальнейшего взаимодействия с местными коллегами и сообществами. Часто на время такого рода исследований для оказания логистической поддержки привлекаются местные исследователи, которые, однако, не получают должного признания за их участие в исследованиях, а их опыт игнорируется (о проблемах деколонизации лингвистики, в том числе при ревитализации, см. Hudley et al., 2024).

На сегодня в качестве важного этического принципа в исследованиях исчезающих языков общепризнанно стремление «отдавать что-то взамен» сообществам и содействовать расширению прав и возможностей их участников (Hinton et al., 2018). В языковой ревитализации такое взаимодействие предполагает балансировку властных отношений между исследователями и исследуемыми в попытке согласовать приоритеты для обращения языкового сдвига вспять (Fishman, 1991). Для нахождения баланса партнерские отношения между исследователями и сообществами должны основываться и поддерживаться на понятиях взаимной выгоды, этического взаимодействия, уважения, взаимности и доверия. Когда этого нет, приводятся свидетельства, что сообщества чувствуют, что их знания используются чужаками для продвижения карьеры, и предостерегают другие сообщества от взаимодействия с лингвистами. Четкое рассмотрение набора навыков, которые конкретный лингвист привносит в сообщество, и того, что сообщество может получить от таких отношений, имеет решающее значение для предотвращения конфликтных ситуаций (Pine & Turin, 2017). Иными словами, в западной науке достигнуто понимание, что роль лингвистов в языковой документации и проектах возрождения сегодня стала еще более сложной, спорной и политической.

На основе личного опыта участия в лингвистических экспедициях и работы в научном сообществе можем засвидетельствовать, что отмеченные проблемы остро стоят в работе российских

лингвистов. Характерно, что работа по документации и ревитализации сконцентрирована в Москве и Санкт-Петербурге, и отчасти в Новосибирске и Томске. Имеет место эксплуатация исследуемых и другие нарушения этических норм. Представляется, главная причина тут в недостаточности навыков полевой работы и этнографических компетенций лингвистов на практике. Конечно, нужно оговориться, что, не имея наукометрических данных, мы говорим тут только об общем уровне в сообществе лингвистов, поскольку мы также заметили, что в наиболее продвинутых центрах компетенций, например в Высшей школе экономики, исследователи, особенно антропологические лингвисты, задаются актуальными методологическими и этическими вопросами. Но это именно дисциплинарная проблема российской полевой лингвистики, потому что российские антропологи, чью работу мы также наблюдаем, помимо прочего, в антропологических экспедициях, давно вышли на мировой уровень.

Ревитализация

В то время как основные усилия научного сообщества российских лингвистов направлены на документацию языков, возрождение языков, или ревитализацию, в настоящее время ведется, по нашей оценке, не исследовательская, а активистская работа. Это скорее любительская, чем научная работа, которая, как продемонстрировано в примерах выше, до сих пор недостаточно принимает во внимание международный научный опыт в части сбора данных и, как будет показано ниже, неправильно апроприрует этот опыт в части анализа данных и их интерпретации.

Чтобы понять описанные практики и мотивацию, как сами лингвисты воспринимают то, что они делают, интересно изучать их устные дискурсы по поводу ревитализации. По нашим наблюдениям, для большинства лингвистов ревитализация языков – «это только работа» за зарплату, повод для полевых исследований. Им интереснее заниматься документированием языков, поскольку оно позволяет ездить в экспедиции в экзотические места и собирать личный материал для собственных лингвистических исследований. Это не противоречит наличию у лингвистов этической установки и мотивации к сохранению языков, поскольку наличие языков является предпосылкой их работы. Но мало тех, кто готов учиться и приобретать навыки и знания, необходимые для работы по ревитализации, поскольку это означает приобретение новой специальности. Есть мотивация и инструменты работать с языками, но не с людьми: местные остаются далекими и непонятными.

В части содержания прикладной работы по ревитализации, конкретные задачи Научного центра по ревитализации и сохранению языков не были основаны на собственных собранных полевых данных, а, по сути, свелись к систематизации доступных данных и созданию базы лучших зарубежных и российских практик «по ревитализации языков» и их адаптации для применения в России⁷. Из них для ревитализации в России «средних» и «малых» языков в качестве основных предлагается использовать соответственно известные и опробованные в мире методы «языкового гнезда» и «мастер – ученик» (подробнее о методах см. Замятин и др., 2012).

В части адаптации применения этих методов работа пока не сделана, потому что нет понимания, как работает политическая система. В текущий период предлагаемые методы не могут быть применены в России. Например, уже в докладе Российской Федерации 2010 года о выполнении положений Рамочной конвенции по защите национальных меньшинств⁸ говорится об «отказе от использования в сфере развития образования на национальных языках так называемой методики “языкового гнезда”, используемой в Финляндии», потому что она якобы является «проявлением сегрегации детей по этническому принципу». Также на протяжении уже многих лет автору на разных форумах приходится слышать про одну и ту же проблему, что в России нельзя преподавать языки без профессионального педагогического образования, а это является препятствием для использования, например, метода «мастер – ученик» в целях межпоколенческой передачи исчезающих языков (см., например, Законодательное обеспечение..., 2020).

Таким образом, Научный центр не стал пока центром научных компетенций по ревитализации, и работа осуществляется только на уровне языкового активизма исследователей, который приобрел любительские формы (если использовать термин Мухарямова и Януш, 2022). Сейчас в части

⁷ Основные направления работы Научного центра по сохранению, возрождению и документации языков России, [Электронный ресурс], *Институт языкознания Российской академии наук*. URL: https://iling-ran.ru/web/ru/departments/languages_of_russia (дата обращения: 12.03.2024).

⁸ Доклад Российской Федерации о выполнении положений Рамочной конвенции по защите национальных меньшинств в рамках третьего цикла мониторинга [Электронный ресурс]. 9 апр 2010 г. URL: <https://tm.coe.int/168008b7a6> (дата обращения: 12.03.2024).

языковой ревитализации лингвисты руководствуются не научным, а «повседневным знанием» (см. Berger & Luckmann, 1966). Современное знание социально распределено, и у каждой области знания имеется свое особое семантическое поле, которое отличает соответствующую специальность или профессию и техники ее воспроизводства. Лингвисты не являются экспертами или даже специалистами по ревитализации, поэтому при текущем раскладе не стоит ожидать прорывных исследований.

Документация подменяет ревитализацию из корпоративного интереса трудоустройства молодых сотрудников, хотя выделенные на сохранение языков ресурсы очень ограничены. Понятно, что таким образом академия пытается приспособиться к сегодняшним реалиям с их недостатком финансирования. Молодых специалистов по ревитализации можно было бы подготовить, но налицо провал в среднем звене – нет старших исследователей, многие из которых уехали. Ввиду этого нет передачи актуальных навыков и знаний младшим исследователям и аспирантам. При этом определенный потенциал есть, но сейчас не происходит синергии усилий. Впрочем, антропология образования и антропология науки – это отдельные сюжеты, которые в данном исследовании мы только обозначили.

Сохранение языков «снизу» и «сверху»

В рамках работы над Программой формально была заявлена задача проведения исследований по сохранению языков, которое, согласно Концепции Программы, должна достигаться через «изменение социальных практик, повышение престижа языка, в первую очередь в бытовом общении». Действительно, на сегодня планирование престижа, или «популяризация» языков – это самое актуальное направление исследований, в том числе и в мировой науке. Однако одним из основных принципов языковой политики большинства стран, в том числе и России, является невмешательство государства в свободу использования языков в частной сфере. Это значит, что доступны только инструменты поощрения, а не обязательного использования языков. Таким образом, если попытаться популяризировать языки, как предлагается, общегосударственными информационными кампаниями, то без научного обоснования в программной теории связи вводных и результатов политики в виде системы индикаторов эффективности, как с рекламой, можно потратить много ресурсов на неочевидные результаты. А чтобы таргетированно заниматься «популяризацией» языков в рамках возможной «государственной программы», нужны не только соответствующие организационные, регуляционные и финансовые, но и тщательно подобранные информационные инструменты политики (Gazzola, 2023).

В рамках «научной программы» можно попытаться разработать методические рекомендации, но для этого нужна соответствующая экспертиза. Престиж – это категория в первую очередь социальных, экономических и управленческих наук. Поднятие престижа – это вопрос планирования статуса, то есть задача для междисциплинарных исследований макроуровня и «государственной программы». Научно-прикладное обеспечение тут возможно только с перспективы исследования языковой политики. Ограничение сферы работы по сохранению языков «бытовым общением» и усилиями «снизу» по определению не может быть решением задачи сохранения языков. Существенным механизмом могло бы стать осознанное информационное воздействие на уровне дискурсивной политики. Гуманитарное знание могло бы сыграть ключевую роль в понимании дискурса и его роли в воспроизводстве властных отношений: дискурс структурирует существующий социальный порядок и поддерживающий его интерактивный порядок, и его очень сложно поменять.

У лингвистов такое понимание дискурса могло бы быть, но пока необходимых прозрений тоже нет. В качестве иллюстрации приведем второй сюжет про отсутствие этнографических компетенций, которое сводит на нет мероприятия по популяризации языка. Автор бывал на десятках подобных мероприятий в разных регионах. Приезжают «лингвисты из Москвы» и организуют типичное мероприятие про то, как важно сохранять и развивать языки. Местные активисты демонстрируют воодушевление. Это все происходит, естественно, на общем языке большинства, но понимания между ними нет. Любой антрополог скажет, что эффект таких мероприятий минимален. Если посмотреть на ситуацию глазами местных активистов, то с советских времен люди привыкли к такому формату собрания, знают свои социальные роли в этой игре, которую можно в данном случае назвать «давайте сохранять / возрождать языки». В реальной жизни активисты на практике чувствуют совсем другое, обычно пренебрежительное, отношение к языкам, но будут привычно играть свои роли, участвуя в заданном формате интерактивного порядка и произнося все предписываемые языковыми идеологиями активистам слова. Попытки вмешательства через призывы «сохранять языки» в условиях отсутствия взаимопонимания не приносят плодов и не будут иметь влияния на престиж языков. Для лингвистов как внешних наблюдателей непрозрачны конкретные практики из жизни людей, и они не рефлексируют по поводу «игр в возрождение языка».

Мы уже писали (Замятин, 2023), что взаимосвязь общества и государства характеризуется сегодня системой государственного контроля, когда активисты зависимы от властей и их языковой политики. Для того чтобы заниматься активизмом, нужна агентность, которой сегодня практически нет. Несмотря на риторику об «участии институтов гражданского общества» в реализации политики, на практике власти не приветствуют самостоятельное проявление инициативы «снизу». Активизм возможен только если власти разрешат, а точнее, закажут и профинансируют определенную деятельность. Работа нескольких самоорганизованных активистов ничего не изменит – изменить может официально санкционированная системная деятельность организаций или деятельность в рамках других институциональных форм языковой политики. Чтобы знать, как добиваться политических результатов в такой системе, необходимо изучать прикладные аспекты политической науки.

Агентностью обладают эксперты, когда консультируют власти по проблеме или даже предлагают варианты решения. Разработка Программы сохранения и возрождения языков России явила собой пример проявления такой агентности. Однако эксперты обладают агентностью настолько, насколько обладают авторитетом в глазах политиков, потому что могут создать высококачественный продукт. Подготовка Программы велась как разовая акция по принципу «каши из топора», то есть на основе экспертизы привлеченных специалистов – юристов и экономистов. При этом не любой специалист является экспертом, а становится таковым только после специального обучения, стажировки и/или аттестации (Нестеров, 2009). В результате получившийся продукт не был обеспечен качественной экспертизой.

В качестве иллюстрации этого приведем еще свидетельство из устных дискурсов лингвистов об установке на работу, которую можно выразить в условной максиме: «мы напишем Программу так, как мы видим, и пусть они думают, как это реализовывать». Максимализм требований, выдвигаемых лингвистами, не только по сохранению, но и возрождению языков, а значит, лингвистической документации, не помогает делу, а оправдывает символическую политику властей, ограничивающихся минимальной поддержкой, потому что все равно «все сохранить невозможно». За выглядящим этически безупречным требованием «всего и сразу» стоит не интерес дела, а корпоративный интерес, который вступает в противоречие с основными нормами науки, в первую очередь с принципом незаинтересованности и бескорыстия в исследованиях (Merton, 1973).

Получается такой «круговорот показухи». Лингвистам неинтересно заниматься сохранением языков и/или они не умеют. Теория «малых дел» на микроуровне ревитализации легитимирует практику технократов по чисто символической поддержке печатанием отдельных книг, разработкой игр, экспедициями и фокусом на «малые языки». Всем этим отчитываются, например, ФАДН по Плану реализации Международного десятилетия языков коренных народов⁹ или Минпросвещения по Плану мероприятий по реализации Концепции преподавания родных языков (до половины мероприятий!)¹⁰.

Настоящий текст работающего документа может появиться только в переговорах с другими политическими акторами, то есть когда столкнется с реальной политикой с ее ограниченностью ресурсов и борьбой за них. Для этого систематическая практическая работа по сохранению языков и продвижению этой задачи в политическую повестку должна обеспечиваться трансдисциплинарным «эпистемологическим сообществом» (Михайлова, 2018). Формируя такое сообщество, эксперты объединяются в сеть на основе разделяемых ценностей и знаний в отношении проблемы, будучи представителями разных дисциплин – в данном случае антропологов, этносоциологов и этнополитологов, а также экономистов и юристов. Они также формируют сообщество практик, чтобы обеспечивать создание и поддержание среды для производства и передачи знаний и навыков.

Таким образом, сейчас не ведется исследований по сохранению языков, какими они должны быть в России, в первую очередь как политики «сверху». В Научном центре не ведется работы по сохранению и развитию языков в смысле policy, то есть нет собственно науки. Так не было запланировано, но так получилось вследствие неразвитости этих направлений исследований и академической инерции. Одновре-

⁹ Информация Федерального агентства по делам национальностей о ходе реализации в 2022 году Плана основных мероприятий по проведению в 2022–2032 гг. в Российской Федерации Международного десятилетия языков коренных народов, утвержденного Распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 февраля 2022 года № 204-р. [Электронный ресурс]. URL: https://fadn.gov.ru/assets/files/5122/Informatsia_o_khode_realizatsii_v_2022_godu_Plana_osnovnykh_meropriyatii_po_provedeniyu_v_2022_2032_godakh_v_Rossiyskoy_Federatsii.docx (дата обращения: 12.03.2024).

¹⁰ Информация о ходе выполнения Плана мероприятий Министерства просвещения Российской Федерации по реализации Концепции преподавания родных языков народов Российской Федерации, утвержденной на заседании Коллегии Министерства просвещения Российской Федерации 1 октября 2019 г., на 2020–2024 гг. Направлена письмом Министерства просвещения Российской Федерации 22 декабря 2022 г. № МП-П-7011 депутату Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации И. И. Гильмутдинову. Не публиковалась.

менно нужно отметить, что определенные подвижки в институционализации программы исследований языковой политики есть. На протяжении нескольких лет в Высшей школе экономики работает первая магистерская программа по языковой политике. Однако, пока в учебный план магистерской программы в основном включены курсы по социолингвистике, в то время как к языковой политике можно с натяжкой отнести только пару курсов. Летом 2023 г. автор присутствовал на защите выпускных квалификационных работ по этой программе, и там только одна работа была частично связана с языковым законодательством, а остальные работы были исключительно по социолингвистике.

Заключение

Сохранение (обычно «средних») языков и ревитализация (или возрождение, обычно «малых») языков – это разные задачи. Сохранение языкового многообразия является в России официальной задачей, в то время как языковая ревитализация – это инициатива в первую очередь научного сообщества и реже самих сообществ. На уровне практической деятельности сохранением языков в первую очередь занимаются практики из государственных структур без достаточного научного обоснования. В научном сообществе проблематикой сохранения языков сегодня занимаются почти исключительно лингвисты, которые на практике подменяют научно-прикладную и практическую работу по сохранению языков языковой ревитализацией, а ее, в свою очередь, сводят к лингвистической документации и относят к (прикладной) лингвистике.

Социология науки свидетельствует, что специфические для предметных областей практики выражают корпоративные интересы соответствующих научных сообществ и воплощены в институциональных и образовательных системах. В российской академии пока недостаточно экспертов и не ведется подготовка специалистов в направлении исследования языковой политики и языковой ревитализации, потому что при сохраняющейся высокой дисциплинаризации российской науки не произошло их институционализации в науке и образовании в качестве междисциплинарных исследовательских программ. Более того, в России пока во многом остается неотрафлексированным соотношение экспертной, исследовательской и активистской ролей в научно-прикладной деятельности.

В действительности меры по «сохранению» и «возрождению» языков направляются не на языки как таковые, а на индивидов, группы, сообщества и общество в целом, а значит, являются предметом исследований не лингвистики или социолингвистики, а антропологии (лингвистической антропологии, антропологии науки, антропологии образования, антропологии организаций), социологии (социологии языка, социологии образования, социологии организаций, социологии групп), политологии (государственного управления и государственной политики). Практикой языковой политики компетентны заниматься политологи и юристы. Практикой языковой ревитализации помимо самих активистов компетентны заниматься антропологи и владеющие этнографическими методами социолингвисты.

Без должной проработки проблемы междисциплинарности в условиях дефицита экспертизы происходит двойное необоснованное нарушение дисциплинарных границ: во-первых, когда в основном (социо)лингвисты изучают и практикуют языковую политику вместо политологов, а также юристов и экономистов, и, во-вторых, когда в основном лингвисты изучают и практикуют языковую ревитализацию вместо квалифицированных социолингвистов, этнологов и антропологов. Без соответствующего набора необходимых навыков и знаний не происходит трансдисциплинарного синтеза, который обеспечил бы холистический подход к исследованиям сохранения языков.

В контексте социологии науки причины такого положения понятны. В условиях недостатка экспертов по языковой политике и ревитализации нишу занимают (социо)лингвисты. При этом забывается очевидный факт, что экспертиза привязана к конкретной предметной области, а научные дисциплины (и их цели) зависят от специфичных им культур, поэтому вероятность междисциплинарного недопонимания чрезвычайно высока. Мультидисциплинарными исследованиями компетентны в первую очередь заниматься ученые, имеющие ученые степени по двум или более академическим дисциплинам. Для успешного участия в междисциплинарной работе исследователь должен стать специалистом хотя бы еще в одной дисциплине, на что уходят годы и десятилетия.

В некоторых случаях междисциплинарность возможна для смежных областей без овладения второй специальностью, однако лингвисту, чтобы стать социолингвистом, недостаточно прочесть Словарь социолингвистических терминов (2006). Социолингвисты обычно имеют базовое лингвистическое образование, но специализировались в социолингвистике. Антропологи порой специализируются в лингвистике, в то время как переход в обратную сторону трудоемок и редок, так как это не смежные области. Само по себе наличие опыта полевых исследований и знакомства с практиками ревитализации недостаточно, так как генералистский аргумент о компетенции по совокупности науч-

ных заслуг не работает в исследованиях комплексной прикладной задачи сохранения языков в условиях конкретной общественно-политической среды.

Чтобы заниматься ревитализацией, исследователи должны владеть этнографическими методами. Отсутствие у занимающихся ревитализацией лингвистов азов этнографических знаний и навыков означает отсутствие у них экспертизы в исследованиях языковой ревитализации. При отсутствии соответствующей подготовки не происходит адекватного взаимодействия с людьми и сообществами и понимания их практик, как в приведенном случае «игр в возрождение языка». Далее, отсутствие у (социо)лингвистов азов знаний об общественно-политических реалиях означает отсутствие у них экспертизы в исследованиях языковой политики. Например, чтобы писать официальные документы типа Концепции или Программы нужен определенный круг компетенций, в первую очередь навыки построения публичного дискурса. Кроме того, исследователи, работающие с социолингвистическими, социологическими или антропологическими темами и использующие этнографические методы, должны рефлексировать по поводу своей роли исследователя в отношении к объекту исследования и необходимости соблюдать этические стандарты.

Вследствие нарушения дисциплинарных границ, когда работой по сохранению языков занимаются (социо)лингвисты, возникает ряд этических и практических проблем, в частности по поводу профессионализма и дилетантизма. Следование личным научным и групповым корпоративным интересам сообщества лингвистов вступает в противоречие с основными нормами науки, такими как незаинтересованность и бескорыстие в исследованиях. Лингвисты занимают нишу других специалистов по разным мотивам. Конечно, не всегда мотивацией лингвистов оказывается желание только брать у сообществ, а есть и желание спуститься из «башни из слоновой кости» и отдавать, но для этого нет соответствующих навыков. Часто исследователи не просто хотят помочь сохранению языков, но и под эгидой новых модных направлений исследований решают свои текущие, в первую очередь финансовые, проблемы. Например, для успешности получения финансирования грантодатели часто включают как условие или в качестве плюса в оценке заявок социальный импакт исследований. Итак, проводятся мероприятия, пишутся статьи, пишутся отчеты, а реальных практических результатов, выразившихся бы в смене дискурсов и практик, нет и не предвидится.

По этим причинам реализация новых научных идей на практике запаздывает и работа по обеспечению задачи сохранения языков в основном не выходит за рамки языковой ревитализации. Однако последняя мало что может предложить для практической деятельности в стране с государственноцентричной политической культурой. В современной политической ситуации при такой культуре программа исследований ревитализации в России менее актуальна.

Исследователи из области социальных наук обычно не занимаются изучением практик(и) и поэтому часто не способны увидеть за социальными явлениями и понять значения социальных действий для конкретного человека. В свою очередь, ученые-гуманитарии хотят добиться социального эффекта своих исследований, но часто сталкиваются с трудностями практического применения своих знаний из-за отсутствия понимания социальных процессов. Эффективность прикладных усилий научно-экспертного сообщества в сохранении языков зависит от преодоления разрыва между гуманитарными и социальными науками и грамотного планирования междисциплинарных исследований.

В статье автор продемонстрировал, что такой разрыв в российской науке о языках в обществе пока не преодолен. Готовых универсальных решений в западной науке на сегодня нет, а российской научной традиции, чтобы разработать собственные, также нет. Практическая работа исследователей включает инициативы не только по языковой ревитализации, но и по языковой политике. Специализированных юристов и лингвополитологов пока мало. Лингвисты реализуют прикладные проекты по сохранению языков, руководствуясь в первую очередь своими личными научными интересами или групповыми корпоративными интересами, мало заботясь о реальных результатах, и даже готовят проекты официальных документов, которые по определению не могут быть утверждены.

Россия в своей конституции официально гарантировала сохранение языкового многообразия, то есть государством поставлена задача сохранения «живых» языков, в то время как задачи возрождения языков не ставится, равно как и не ставится задачи языковой документации. Российская академия пока не может обеспечить задачу сохранения языков научной экспертизой. В условиях отсутствия качественной экспертизы не стоит ожидать прорывов в сохранении языкового многообразия на научно-прикладном уровне. Такая ситуация устраивает технократов во властных структурах, которые выдают в своих отчетах результаты такой научно-практической деятельности за работу по сохранению языкового многообразия¹¹.

¹¹ По просьбе редакции автор по всему тексту заменил использовавшееся в рукописи и обычное для представления результатов этнографического исследования личное обращение от первого лица («Я») на множественное или третье лицо («мы/автор»). (Прим.)

Список литературы / References

- Алпатов, В. М. (2020) ‘Социоллингвистика и другие лингвистические дисциплины’, *Социоллингвистика*, 1, сс. 9–16. [Alpatov, V. M. (2020) ‘Sociolinguistics and other linguistic disciplines’ [Sotsiolingvistika i drugie lingvisticheskie distsipliny], *Sociolinguistics*, 1, pp. 9–16. (In Russ.)].
- Беликов, В. И., Крысин, Л. П. (2001) *Социоллингвистика: Уч. для вузов*. М.: Рос. гос. гуманитарн. ун-т. [Belikov, V. I., Krysin, L. P. (2001) *Sociolinguistics: Textbook for universities* [Sotsiolingvistika: Uch. dlya vuzov]. Moscow: Russian State University for the Humanities. (In Russ.)].
- Вахтин, Н. Б., Головкин, Е. В. (2004) *Социоллингвистика и социология языка*. СПб.: Гуманитарная академия. [Vakhtin N. B., Golovko, E. V. (2004) *Sociolinguistics and sociology of language* [Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka]. St. Petersburg: Humanitarian Academy. (In Russ.)].
- Григорьев, В. Е. (2018) *Социология науки: учебник*. Москва: Проспект. [Grigoriev, V. E. (2018) *Sociology of Science: Textbook*. [Sotsiologiya nauki: uchebnik]. Moscow: Prospekt. (In Russ.)].
- Евсеева, Я. В. (2021) ‘Исследования языка в социоллингвистике и других социальных науках: проблемы и перспективы: введение к тематическому разделу’, *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология*, 1, сс. 9–19. [Evseeva, Ya. V. (2021) ‘Language studies in sociolinguistics and other social sciences: problems and prospects: introduction to the thematic section’ [Issledovaniya yazyka v sotsiolingvistike i drugikh sotsial’nykh naukakh: problemy i perspektivy: vvedenie k tematicheskomu razdelu)], *Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology*, 1, pp. 9–19. (In Russ.)].
- Законодательное обеспечение сохранения, развития и изучения языков народов Российской Федерации: состояние и перспективы. Материалы «круглого стола» 16 декабря 2019 г. М.: Издание Государственной Думы. URL: <http://duma.gov.ru/media/files/752lnJBjXAGNJEZXFcdWICe2udpStp9x.pdf> (дата обращения 12 марта 2024 г.). [Legislative support for the preservation, development and study of languages of the peoples of the Russian Federation: state-of-art and prospects. Materials from the round table on December 16, 2019 [Zakonodatel’noe obespechenie sokhraneniya, razvitiya i izucheniya yazykov narodov Rossiyskoy Federatsii: sostoyanie i perspektivy. Materialy «kruglogo stola» 16 dekabrya 2019 goda]. Moscow: Publication of the State Duma. Available at: <http://duma.gov.ru/media/files/752lnJBjXAGNJEZXFcdWICe2udpStp9x.pdf> (Accessed 12 March 2024). (In Russ.)].
- Замятин, К. Ю. (2023) ‘Исследования языковой политики как публичной политики в российской и мировой науке’, *Социоллингвистика*, 3 (15), сс. 29–52. [Zamyatin, K. Yu. (2023) ‘Research on Language Policy as Public Policy in Russian and World Science’ [Issledovaniya yazykovoy politiki v rossiyskoy i mirovoy nauke], *Sociolinguistics*, 3 (15), pp. 29–52. (In Russ.)].
- Замятин, К. Ю. (2024) ‘Почему у нас не получается сохранять языковое многообразие? (I) Сохранения языков России, языковая политика и языковая ревитализация’, *Вестник Пермского университета. Политология*, 18 (3), сс. 137–149. [Zamyatin, K. Yu. (2024) ‘Why can’t we preserve linguistic diversity? (I) Preservation of the languages of Russia, language policy and language revitalization’ [Pochemu u nas ne poluchaetsya sokhranyat` yazykovoe mnogoobrazie? (I) Sokhraneniye yazykov Rossii, yazykovaya politika i yazykovaya revitalizatsiya], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 18 (3), сс. 137–149. (In Russ.)].
- Замятин, К., Пасанен, А., Саарикиви, Я. (2012) *Как и зачем сохранять языки народов России?* Хельсинки: Вммалан Кирьяпайно Ою. [Zamyatin, K., Pasanen, A. & Saarikivi, J. (2012) *Whether and How the Languages of the Peoples of Russia Can Be Maintained* [Kak i zachem sokhranyat` yazyki narodov Rossii]. Vammala: Vammalan Kirjapaino Oy. (In Russ.)].
- Кибрик, А. А. (2020) ‘Сохранение языкового разнообразия России: контуры программы’, *Социоллингвистика*, 1, сс. 17–28. [Kibrik, A. A. (2020) ‘Preserving Russia’s linguistic diversity: outlines of the program’ [Sokhraneniye yazykovogo mnogoobraziya

- Rossii: kontury programmy], *Sociolinguistics*, 1, pp. 17–28. (In Russ.).
- Коряков, Ю. Б., Давидюк, Т. И., Харитонов, В. С., Евстигнеева, А. П., Сюрюн, А. А. (2022) *Список языков России и статусы их витальности*. Монография-препринт. М.: Институт языкознания РАН. [Koryakov, Yu. B., Davidyuk, T. I., Kharitonov, V. S., Evstigneeva, A. P., Syuryun, A. A. (2022) *List of Russian languages and their vitality statuses* [Spisok yazykov Rossii i statusy ikh vital'nosti]. Monograph-preprint. Moscow: RAS Institute of Linguistics. (In Russ.).]
- Михайлова, О. В. (2018) 'Эпистемические сообщества в процессе продвижения идей в повестку дня государственного управления', *Вестник Томского государственного университета*, 46, сс. 167–175. [Mikhailova, O. V. (2018) 'Epistemic communities in the process of promoting ideas on the public administration agenda' [Epistemicheskie soobshchestva v protsesse prodvizheniya idey v povestku dnya gosudarstvennogo upravleniya], *Bulletin of Tomsk State University*, 46, pp. 167–175. (In Russ.).]
- Мухарьямов, Н. М. и Януш, О. Б. (2022) *Языковое устройство российского общества: факторы политической динамики* / Под ред. Г.Ф. Лутфуллиной. Казань: Отечество. [Mukharyamov, N. M. and Yanush, O. B. (2022) *Language Set-Up of the Russian Society: Factors of Political Dynamics* [Yazykovoe ustroystvo rossiyskogo obshchestva: faktory politicheskoy dinamiki.] / Ed. G. Lotfullina. Kazan: Otechestvo. (In Russ.).]
- Нестеров, А. В. (2009) *Основы экспертной деятельности*. Москва: ГУ-ВШЭ. [Nesterov A.V. (2009) *Fundamentals of expert activity* [Osnovy ekspertnoy deyatel'nosti]. Moscow: State University-Higher School of Economics. (In Russ.).]
- Словарь социолингвистических терминов* (2006) Отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН. [*Dictionary of Sociolinguistic Terms* (2006) [Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov]. Rep. ed. V. Yu. Mikhailchenko. Moscow: RAS Institute of Linguistics. (In Russ.).]
- Austin, P. and Grenoble, L. (2007) 'Current trends in language documentation' in: P. Austin (ed.). *Language Documentation and Description* 3. London: The Hans Rausing Endangered Languages Project, pp. 12–25.
- Berger, P. L. and Luckmann, T. (1966) *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Garden City, NY: Anchor Books.
- Cooper, R. (1989) *Language Planning and Social Change*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Evans-Pritchard, E. E. (1940) *The Nuer: A description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People*. Oxford: Oxford University Press.
- Hudley, A., Mallinson, Ch., Bucholtz, M. (2024) *Decolonizing Linguistics*. Oxford: Oxford University Press.
- Fishman, J. (1991) *Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages*. Clevedon, UK: Multilingual Matters.
- Gazzola, M. Language Policy as Public Policy. Gazzola, M., Gobbo, F., Johnson, D. C. and Leoni de León, J. A. (2023) *Epistemological and Theoretical Foundations in Language Policy and Planning*. Cham: Palgrave Macmillan, pp. 41–72.
- Hinton, L., Huss, L. and Roche, G. (eds.) (2018) *The Routledge Handbook of Language Revitalization*. New York: Routledge.
- Merton, R. (1973) 'The Normative Structure of Science' in: N. W. Storer (eds.). *The Sociology of Science*. Chicago: University of Chicago Press, pp. 267–278. (Original work published 1942).
- Pine, A. and Turin, M. (2017) 'Language Revitalization' in: M. Aronoff (eds.). *Oxford Research Encyclopaedia of Linguistics*. Oxford: Oxford University Press, pp. 51–70.

Статья поступила в редакцию: 28.04.2024
Статья принята к печати: 30.10.2024

**WHY CAN'T WE PRESERVE LINGUISTIC DIVERSITY? (II)
PROBLEMS OF LANGUAGE POLICY IMPLEMENTATION AND REVITALIZATION IN
DRAFTING A LANGUAGE PRESERVATION PROGRAM**

K. Zamyatin

Konstantin Zamyatin, senior research fellow,
HSE University, Moscow, Russia,
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
E-mail: k.zamiatin@hse.ru (ORCID: 0000-0001-5374-911X. ResearcherID AAY-5217-2020).

Abstract

The problems of language preservation in Russia are studied within the framework of scientific research. Practical solutions are sought in socio-political activity, however, no significant progress has been achieved. In this article I analyze the attempts to apply the developments of applied science in practice, in particular, in the development of the draft Program for the Preservation and Revitalization of the Languages of Russia, in order to understand the problems that arise and their causes. Due to the poorly developed program of language policy research in Russia, current applied scientific work is mainly carried out by linguists within the framework of language revitalization, which proves to be unable to offer adequate solutions in a country with a state-centered political culture. In practice, revitalization and documentation efforts replace language maintenance efforts. Thus, not only applied science has not yet developed high-quality expertise in the socio-political sphere of language use, but language policy and language revitalization as a practical activity remain ineffective too. The results and conclusions of this study raise problems in the sociology of science and may be of interest to the scientific expert community.

Keywords: language maintenance; linguistic diversity; language revitalization; language activism; language policy; applied science; scientific research; practical activity.